

Монуменальные визионеры

Выставка Елены Елагиной и Игоря Макаревича

Комиссарский - 2005 - 1 год - с 21.

ВЫСТАВКА современное искусство

В Государственной Третьяковской галерее (на Крымском валу) открылась выставка Елены Елагиной и Игоря Макаревича «В пределах прекрасного». Вычитать из инсталляций и объектов живых классиков московского концептуализма причудливую индивидуальную мифологию художников старалась ИРИНА КУЛИК.

В отличие от аскетичного западного концептуализма, занятого сугубо интеллектуальными и отвлеченными проблемами формы и репрезентации произведения искусства, местная версия этого течения, получившая название «московский романтический концептуализм», всегда охотно говорила обо всем на свете — политике, мифологии и личных переживаниях самих художников. Московский концептуализм всегда тяготел к повествовательности, причем сюжеты выбирал весьма причудливые. Вот и выставка Елены Елагиной и Игоря Макаревича строится как своего рода собрание различных фантастических и порой пугающих историй, которые авторы, работающие вместе с 1990 года, сочиняли вместе и порознь.

Как и подобает представителям российского концептуализма, Елена Елагина и Игорь Макаревич вроде бы исследуют и доводят до абсурда всяческие советские идеологические мифы. В проекте «Закрытая рыбная выставка» они вдохновляются списком произведений, представленных на одноименной выставке 1930-х годов. В «Кладезе жизни» прослеживают связь тоталитарных идеологий с холодом. Елена Елагина посвящает свой проект «Лаборатория великого делания» апокрифическому советскому биологу Ольге Лепешинской, полагавшей, что средняя продолжительность жизни в 70 лет явно недостаточна для советского человека, и старавшаяся продлить ее до 150 лет. А Игорь Макаревич делает главным персонажем своего «Номо Lignum» классического советского «маленького человека» — бухгалтера Николая Ивановича Борисова.

Правда, сегодня вычитать в выставке художников Елагиной и Макаревича какие-то внятные отсылки к набившей оскомину мизерабельной советской эстетике практически невозможно. Скорее, их мир напоминает затейливую фэнтези. Дневники академика Ольги Лепешинской, украшенные изысканными миниатюрами в средневековом стиле, кажутся рукописью алхимика

или каббалиста. История Николая Ивановича, мечтающего превратиться в дерево, проиллюстрирована фотографиями жутковатого персонажа в безглазой маске Буратино. Историей Буратино оказывается и «Кладезь жизни». Деревянный человечек блуждает по страшным заснеженным лесам, штудирует манускрипты, рассказывающие, как выжить на холоде, и, судя по всему, раздумывает, не сделать ли ему костер из своего деревянного туловища, чтобы не умереть от мороза.

Последний по времени проект художников — «Паган» является уж совсем откровенно психоделической «телегой». Елена Елагина и Игорь Макаревич придумывают некоего миколога Р. Г. Вессона, автора книги «Россия: грибы и история», и с увлечением иллюстрируют этот труд объектами в виде гигантских мухоморов, увенчанных башней Татлина.

С одной стороны, из этих произведений мы никогда не узнаем, что же именно происходило с Ольгой Лепешинской, Николаем Ивановичем Борисовым или Р. Г. Вессоном. С другой — это, пожалуй, самые роскошные и монументальные произведения, существующие в нынешнем российском искусстве. Покрытый настоящим льдом геральдический орел, совершенно кафкианская «машина дыхания», с помощью которой можно сделать дыхание человека таким же медленным, как у дерева; носатый череп Буратино, стоящий на пьедестале из индийского мрамора, впечатляют и без всяких комментариев. И, в отличие от многих произведений российских концептуалистов и их последователей, вовсе не кажутся ироничными или стебными. Напротив, в них легко увидеть вполне нешуточный и по-настоящему завораживающий мистицизм.

Конечно, почтенных и здравомыслящих художников трудно заподозрить в наивном увлечении всяческой оккультной тематикой. Просто Елена Елагина и Игорь Макаревич, пожалуй, единственные из московских концептуалистов, кому удалось вывести мифотворчество за вечные кавычки иронии, а сюжетность — за пределы литературности, и оказаться на той территории не стесняющегося своей визионерской природы искусства, где существуют, например, классические сюрреалисты или наследующие им современные звезды вроде Мэтью Барни.